

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
STUDIA BIOGRAPHICA



БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

8

ДБ

Санкт-Петербург
2001

А.Г.Гродецкая
ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ И ХОЛОДНЫЙ
(В.А.Солоницын и семья Майковых)

Нет скорбнее и грустнее чувства, как несчастно верный взгляд на вещи, снимающий с них наружный покров <...>. Это особое положение, неверие в то, чему верят другие, неразрывная с ними горькая ирония и досада давят душу, живую и раскрытую. Взгляд этот от общего переходит к лицам, и тут еще хуже, он безжалостно вскрывает их, указывает неподложные точки помешательства их, к которым они приросли, – и становится больно за современного человека. Как мало целых, трезвых натур!

А.И.Герцен. Дневник. Июль 1843 г.

О Владимире Андреевиче Солоницыне вспоминают только тогда, когда речь заходит о литературной жизни в доме Майковых в конце 1830-х – начале 1840-х и об их «домашней» литературе – рукописном журнале «Подснежник» и альманахе «Лунные ночи», вдохновителем и редактором которых он был. Зато ни биографы Аполлона и Валериана Майковых, ни исследователи раннего творчества И.А.Гончарова, домашнего учителя в семье Майковых и сотрудника рукописных изданий, не обойдут этого имени. «Питомец Московского университета и тогдашний соредактор О.И.Сенковского по изданию “Библиотеки для чтения”, весьма образованный человек и любитель русской литературы, – писал о Солоницыне Д.Д.Языков, – владел богатым собранием книг на русском, французском, немецком и английском языках; благодаря этой библиотеке и тщательному выбору произведений самим просвещенным владельцем, юный Аполлон Николаевич был ознакомлен со всеми образцовыми сочинениями родной и иностранной литературы...»¹ Солоницыну, по признанию самого Ап. Майкова, и он и Валериан были обязаны «обширным знакомством с науками и развитием вкуса и страстью к литературе»². Владимир Андреевич остался в благодарных и почти легендарных семейных преданиях, в бережно сохраненной в семейном архиве переписке. Но и не более того.

¹ *Языков Д.Д. Жизнь и труды А.Н.Майкова. Материалы для истории его литературной деятельности. М., 1898. С.7; см. также: [Семевский М.И.] Аполлон Николаевич Майков в 1836–1839. Рукописный альманах 1839 года // Русская старина. 1888. Т.58. №5. С.531–534.*

² *Автобиографические сведения за 1821–1856 с сопроводительным письмом И.С.Ремезову [1857–1858] (РНБ. Ф.453. Оп.1. Ед.хр. 1. Л.2об.).*

В истории русской беллетристики и журналистики Солоницын – фигура анонимная. Какое-то время он действительно был помощником О.И.Сенковского по редакции «Библиотеки для чтения»³. Когда в конце 1830-х Сенковский отошел от редакции журнала, занимаясь только «Критикой» и «Литературной летописью», основную работу, как вспоминала его жена, он передал «человеку признанного достоинства, в усердии и деятельности которого он был совершенно уверен»⁴. Солоницын редактировал журнал до конца 1842 (в этой роли выступали также Э.И.Губер, В.В.Дерикер, затем А.В.Старчевский)⁵ и, вероятно, имел основания писать: «Сенковский должен бы чувствовать, что у него никогда еще не было такого редактора, каким был я»⁶. Однако в середине 1850-х составители указателя к «Сыну отечества» и «Библиотеке», перечисляя ближайших сотрудников Сенковского, уже не вспомнили о его «усердном и деятельном» помощнике⁷. Сотрудничать в «Библиотеке» Солоницын начал, скорее всего, в первый год издания журнала⁸, но о его многотрудной и многообразной деятельности рецензента, фельетониста, переводчика, компилятора и автора статей для «Смеси» можно лишь догадываться по ряду глухих упоминаний в письмах.

Не заслужил признания Солоницын и как один из первых в России переводчиков Диккенса. Лишь тот же Сенковский, рецензируя в 1850-х годах очередное издание «Посмертных записок Пиквикского клуба», самого, по его словам, «неудобоваримого» из всех сочине-

³ См.: Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати: 1703–1900. Пг., 1915. С.82.

⁴ Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус). Биографические записки его жены. СПб., 1858. С.156–157; ср. также с.140.

⁵ См.: Старчевский А.В. Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1891. №8. С.324.

⁶ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1), л.8 (письмо Н.А. и А.Н.Майковым в Италию от 6/18 янв. 1843). Сведения о сотрудничестве Солоницына в «Библиотеке» и «Сыне отечества» см. также в его письмах 1841–1842 гг. Е.Ф.Коршу (РГБ. Ф.465. Карт.2. Ед.93. Л.4–8об.). Архивный источник здесь и ниже указан только при цитатах из писем, не включенных в публикуемую подборку.

⁷ См.: Указатель к статьям серьезного содержания, помещенным в русских журналах прежних лет. Изд. Н.Бернадаки и Ю.Богушевича. Вып.1: Сын отечества. 1812–1852; Вып.2: Библиотека для чтения. 1834–1854. СПб., 1858. Вып.1. С.XVII.

⁸ Более чем вероятно, что ему принадлежит подписанная инициалами «В.С.» статья «Мнение известного английского журнала «Edinburgh Review» о нынешней французской словесности» (Б-ка для чтения. 1834. Т.1. Отд.III. С.52–78). Резко негативная оценка О.Бальзака, Э.Сю, В.Гюго выражала в данном случае не только позицию «Библиотеки» и Сенковского, но самого Солоницына. В №2 рукописного журнала Майковых «Подснежник» за 1835 г. он поместит созвучную опубликованной в «Библиотеке» статью «Виктор Гюго» (ИРЛИ. №16493. Л.77–78об.; подпись «Р.П.», т.е. «Редактор Подснежника»); ср. оценки Э.Сю в публикуемых ниже письмах.

ний Диккенса, напомнил о забытой публикации в «Библиотеке для чтения» сокращенного перевода этого романа, «сделанного искусною рукою покойного В.А.Солоницына» и «очень понравившегося русским читателям»⁹. Сенковский имел в виду анонимный перевод, помещенный в «Библиотеке для чтения» в 1840¹⁰. Ранее там же и также без подписи был опубликован и солоницыновский перевод «Николаса Никкльби»¹¹. Что касается печатного «наследия» Солоницына-беллетриста, то оно исчерпывается двумя повестями: в 1840 в «Библиотеке для чтения» (Т.40) за подписью «С.» была опубликована повесть «Медовый месяц» и в 1841 в «Москвитяине» (Ч.IV. №7) – «Царь – рука Божья. Быль времен Петра Великого», подписанная «Солоницын. 1838».

Русская пресса не только не удостоила Солоницына некролога, но и вообще не отреагировала на неожиданную смерть сорокалетнего литератора. Его имя мелькнуло в списке умерших в 1846, опубликованном в «Северной пчеле» (1847. №105; 13 мая). Даровав покойному два лишние года жизни, газета сообщила только о факте его смерти за границей. Солоницын скончался 12 (24) августа 1844¹² по дороге в Россию, куда возвращался после года странствий в чужих краях, в вагоне на брюссельской железной дороге (по данным А.В.Старчевского)¹³.

Биографию друга дома и «литературного человека», точнее, «рассказ о его жизни» предполагал написать академик Леонид Ни-

⁹ Б-ка для чтения. 1853. Т.118. Март. Отд. VI. С. 17.

¹⁰ См.: Записки бывшего Пиквикского клуба, или обстоятельное и достоверное изображение странствований, путешествий, приключений, опасностей и потешных действий членов учрежденного при оном ученого комитета, составленное по подлинным их донесениям (Б-ка для чтения. 1840. Т.40, 41). Первый вольный перевод «Посмертных записок...» и первый известный перевод Диккенса в России – «Похождения Пиквика и друзей его» – был напечатан в «Сыне отечества» (1838. Т.VI); см.: Чарльз Диккенс: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке: 1838–1960. М., 1962. С.6, 7, 59, 294.

¹¹ См.: Жизнь и приключения английского джентльмена мистер Николая Никльби, с правдивым и достоверным описанием успехов и неудач, возвышений и падений, словом, полного поприща жены, детей, родственников и всего вообще семейства означенного джентльмена (Б-ка для чтения. 1840. Т.38, 39). Сведения об авторстве Солоницына содержит письмо сотрудничавшего в «Библиотеке» Ирнарха Введенского, который в конце февраля 1841 сообщал своему соученику по Московской духовной академии П.С.Биллярскому: «Единственные знатоки из его [Сенковского] сотрудников – Солоницын (он перевел Николая Никльби) и я. Несмотря что каждый раз говорю я Сенковскому, что прескверно знаю английский язык и навру пропасть, он просто насильно мне навязывает, и я должен был перетащить кое-как две-три статьи <...> с этого языка» (*Истрин В.М.* Письма к академику Петру Спиридоновичу Биллярскому. Одесса, 1906. С.127; упоминается: Чарльз Диккенс: Библиография... С.257).

¹² См. в публикуемой переписке примеч. к письму от 10 авг. 1844 (№ 17).

¹³ *Старчевский А.В.* Один из забытых журналистов (Из воспоминаний старого литератора) // Исторический вестник. 1886. №2. С.374.

колаевич Майков, историк литературы, четвертый сын в семье Николая Аполлоновича и Евгении Петровны Майковых, младший в «фамилии талантов». А.Мазон по полученной от В.И.Саитова рукописи опубликовал в 1914 сохранившееся начало этой биографии¹⁴. В 1830-е годы, как вспоминал Майков, когда «окончательно определилось художественное призвание» его отца (живописца, с 1835 – академика живописи)¹⁵, а старшие братья получали образование, Солоницын «принимал живое и горячее участие во всех этих событиях нашей семейной жизни. Он любил и уважал моих родителей как людей редких по своим нравственным достоинствам. Он ценил талант моего отца и прекрасно понимал, как мало совместимы были с его увлекающеюся художественною натурой неизбежные заботы о материальном обеспечении семьи; в так называемых практических делах В.А. являлся для моего отца добрым и разумным советником; он принял участие в разделе и устройстве значительного, но крайне запутанного состояния, оставшегося после моего деда со стороны матери¹⁶, и если была спасена некоторая часть этого наследства и моя матушка получила из него свою долю, то, без сомнения, благодаря дельным указаниям и усердным хлопотам В.А.-ча. Из дружбы к моим родителям он принял на себя руководство образованием двух моих старших братьев, и под его наблюдением они были приготовлены дома к поступлению в Университет. Еще в пору их отрочества он угадал их дарования и старался приохотить их к литературным занятиям.

Есть особенная привлекательность в характерах, соединяющих чуткую нежность чувства с непреклонною твердостью воли. Таков был В.А.Солоницын. Одиноким холостяком, он сосредоточил на нашем семействе все привязанности своей любящей души, и, как чело-

¹⁴ *Mazon André. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891. Paris, 1914. P.422–424.*

¹⁵ О нем см.: *Гайтцева Э.Г. Николай Аполлонович Майков и его воспоминания: (из круга общения И.А.Гончарова) // Русская литература. 1997. №1. С.123–149.*

¹⁶ Отец Евгении Петровны Майковой, московский купец-золотопромышленник Петр Михайлович Гусятников (1752–1816), учившийся не только в Московском, но и в Геттингенском университете (см.: *Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. М., 1855. С.345*), владел Преображенским медеплавильным заводом и золотыми приисками в Оренбургской области. После его смерти дело о разделе наследства между вдовой, Натальей Ивановной Гусятниковой, сыновьями – Михаилом (от первого брака), Владимиром, Петром, Дмитрием и дочерьми Евгенией (Майковой) и Юлией (в замужестве Кашкаровой) решалось крайне долго и трудно, пока в 1838 завод не был продан горнозаводчику М.В.Пашкову. И Гусятниковы, и Майковы остались владельцами золотonosных земель, сдававшихся ими в аренду. См.: ГИМ. Ф.387 (Пашковых); Гос. архив Оренбургской области. Ф.6. Оп.4. Д.7917, 9042; Оп.5. Д.11405, 11479; Ф.95. Оп.1. Д.13; за сообщенные сведения приношу глубокую благодарность Светлане Емельяновне Сорокиной. См. также ниже, примеч. 1 к письму от 4 мая 1844 (№13).

век умный, образованный и любивший труд до самозабвения, он придал своим дружеским отношениям характер деловитости: дружба его была поистине деятельная и потому полезная для тех, на кого она обращалась. Позволю себе прибавить, что со стороны нашего семейства привязанность его встречала полное сочувствие и доверие; его мнения имели в нашем доме значение высокого авторитета. Но авторитетность своего суждения он никогда не обращал в деспотизм; в этом в высшей степени скромном человеке вовсе не было желания господствовать, играть первую роль, и влияние его проявлялось чисто нравственною силой. Отношение между ним и нашим семейством всего вернее можно определить, сказав, что с обеих сторон существовало полное внутреннее согласие, основанное на взаимном нравственном уважении». «В личности С[олоницына] и в его писаниях, – замечал Майков, – выражается умственный и нравственный склад известного поколения, и с этой точки зрения знакомство с ним может представить бесполезные данные для истории нашего общества и его умственных движений».

Памятником «положительному» человеку, привязанному к семейству «мечтателей», стала «Обыкновенная история»: Солоницын был, по свидетельству А.В.Старчевского, прототипом старшего Адуева. И его же, считал Старчевский, посвятившего жизнь служению чужим заботам и нуждам, Гончаров изобразил в образе Антона Ивановича¹⁷. Если первое бесспорно, и чтение писем Солоницына убеждает, насколько психологически верен гончаровский «снимок», то второе сближение кажется излишне прямолинейным. Антон Иванович в «Обыкновенной истории» – персонаж не только иной судьбы и иной социальной среды, но и иной исторической эпохи. И тем не менее, быть может, случаются характеры и обстоятельства (не литературные), действительно сочетающие трезвый прагматизм с безграничной и безотчетной самоотверженностью.

Владимир Андреевич Солоницын родился 4(16) июля 1804 в Москве в дворянской семье¹⁸. От отца унаследовал деревеньку Заха-

¹⁷ «Героем для повести Гончарова послужил его покойный начальник Вл. Андр. Солоницын и Андр. Парф. Заблочкий-Десятковский <...> Из двух героев, положительных и черствых, притом не последних эгоистов, мечтавших только о том, как бы выйти в люди, составить капиталец и сделать хорошую партию, Ив[ан] Ал[ександрович] выкроил своего главного героя. <...> Антон Иванович – это тоже лицо, мне хорошо знакомое; для этого господина материалом послужил, во-первых, Вл. Андр. Солоницын, а во-вторых, действительный Антон Иванович, знакомый Дудышкина...» (*Старчевский А.В. Один из забытых журналистов. С.378*).

¹⁸ Здесь и ниже данные по: РГИА. Ф.1343. Оп.29. №5530 (дело о дворянстве А.В.Солоницына); Ф.19. Оп.2. №№ 2013, 2014, 2015 (аттестаты, форм. сп. В.А.Солоницына 1835 г. и др.).

рово Владимирской губернии, Суздальского уезда в 16 душ – с более чем скромным доходом. В 1821 окончил отделение нравственных и политических наук Московского университета со степенью действительного студента¹⁹ и тогда же вступил в службу в канцелярию главного директора Межевой канцелярии (Министерства юстиции). В 1827 был перемещен в Департамент того же Министерства в Петербурге, где исполнял должность регистратора, затем секретаря. В марте 1828 Солоницын по прошению увольняется из Министерства юстиции, и с июля того же года он – помощник столоначальника в Департаменте внешней торговли Министерства финансов. С 1830 он исправляет должность столоначальника в 3-м (Судном) отделении Департамента, в 1832 – утвержден в этой должности; тогда же «за отличные труды и усердие к службе» пожалован чином коллежского асессора. Однако создается впечатление, что молодой преуспевающий чиновник, аттестованный в исполнении «своей должности и всех возложенных на него поручений с отличным усердием, деятельностью и с полным успехом, всегда к совершенному удовольствию начальства»²⁰, не столь уж дорожит «карьерой и фортуной». 1 мая 1835 Солоницын подает прошение об увольнении от дел и просьбу о ссуде ввиду предпринимаемого им «далекого пути» (сначала в Москве, потом на Урале он занимается делом о наследстве Гусятниковых) и возвращается к службе в Департаменте только в апреле 1836. При этом, несмотря на личное ходатайство перед директором Департамента Д.С.Языковым А.Х.Бенкендорфа (он пишет Языкову дважды – 1 и 29 февраля 1836, подчеркивая желание «сделать угодное г-ну Майкову, который принимает в судьбе Солоницына живейшее участие»)²¹, возвращается к службе в качестве всего-навсего исправляющего должность переводчика (по 1-му отделению) – одну из малозначащих департаментских должностей, на которую принимались были, как правило, нечиновные молодые люди. Так, переводчиком Таможенного отделения того же Департамента служил с 1835 недавний выпускник Московского университета И.А.Гончаров. Однако в отличие от незавидной служебной «фортуны» Гончарова, лишь спустя 20 лет, в 1855, получившего должность столоначальника (с чином надворного советника), положение «любившего труд до самозабвения» Владимира Андреевича меняется очень скоро. К концу 1836 он – помощник правителя канцелярии гр. А.П.Голенищева-Кутузова, в 1839 – надворный советник, в 1840 – прави-

¹⁹ См.: Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета. Краткая история Московского университета с 6 июля 1820 года по 5 июля 1821 года. М., 1821. С.10 (2-й пагинации).

²⁰ РГИА. Ф.19. Оп.2. №2015. Л.6об.

²¹ Там же. Л.1–2об.

тель канцелярии Департамента²². В 1843 Солоницын в очередной раз уходит от дел: подав в отставку, вместе с Майковыми он уезжает за границу, уезжает на неопределенный срок с выношенной, как кажется, мыслью более к службе не возвращаться. Трудно судить о его отдаленных планах, одно очевидно: с департаментом Солоницын расстался так же решительно, как и с «Библиотекой».

Собираясь за границу, он намеревался завершить работу в журнале, но едва ли имел в виду полный разрыв с Сенковским. Однако, с его слов в письме А.Н. и Н.А.Майковым от 6/18 января 1843, «все сделалось очень просто, вот каким образом. Сенковский с нынешнего года передал Библиотеку новому книгопродавцу, Ольхину, с тем чтобы тот производил все нужные на нее расходы и брал за это часть барышей. Надо сказать вам, что это за Ольхин. Помнится, я говорил как-то, толкуя о безалаберности несчастного Смирдина, что раз, пришел к нему в магазин, я застал там одного курьера министерства финансов, родом из жидов, который был мне известен прежде, по делам департамента, как доноситель о контрабанде, ростовщик и мошенник. Смирдин шептался с ним в углу, и когда тот вышел, то на вопрос мой, что за дела имеет он с этим негодяем, отвечал, что занимал у него на пять дней семьсот рублей и теперь не знает, чем расплатиться, потому что нет ни копейки. Ростовщичеством и другими оборотами этот жид составил себе порядочный капитал и пустился в книжное дело, стал скупать рукописи и издавать книги. <...> В прошлом году этот плут ссудил Смирдина какую-то суммой под залог книг, которые стоили несравненно дороже, а как Смирдин не заплатил долга, то книги остались у Ольхина. Теперь Ольхин, вооруженный этим товаром, решился сам завести книжную лавку, вышел из курьеров, записался в купцы и открыл против Аничкова дворца магазин. Сенковский, падкий на новости и наслышавшись, что у Ольхина много денег, вздумал поручить ему материальную часть Библиотеки. Расчет его заключается в том, что Ольхин обеспечивает нужды годового издания и, по связям своим со всем пишущим людом, может добывать статьи для отделения русской словесности. Меня просили они остаться редактором. Я, разумеется, согласился. Что мне за дело, что Ольхин мошенник! черт его возьми! ведь ко мне не пристанет. Все пошло очень хорошо, но вдруг, в половине прошлого месяца, получаю я записку от Сенковского, в которой эта скотина, ни с того ни с сего, вздумала делать мне выговоры, что я давно у него не был и не беру заготовленных им статей, что ему, дескать, не носиться же с этими статьями, не са-

²² См.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1837 год. СПб., 1836. Ч. I. С. 794; Месяцеслов ... на 1841 год. СПб., 1840. Ч. I. Прибавления. С. XXVIII.

мому же искать переводчиков. Это меня взбесило. Я написал короткий ответ, что Сенковскому не следует посылать ко мне подобных записок, и прибавил, что <...> отказываюсь от редакторства и теперь же отдаю Ольхину все находящиеся у меня библиотечные материалы. В самом деле я сложил в кучу все бумаги и книги, какие у меня были по Библиотеке, и отвез все Ольхину»²³.

В последний отпущенный ему год Солоницын особенно скор в решениях и в суждениях резок. Он живет торопясь, с ощущением только-только открывающегося ему независимого, творческого бытия.

Ни обстоятельства, ни время знакомства Солоницына с Майковыми неизвестны. Но к 1824 году молодой канцелярский чиновник уже определенно дружен с отставным майором, начинающим живописцем Николаем Майковым и его женой, с поручиком артиллерии Валерианом Майковым (1805–1837) и особенно почтительно-внимателен в отношениях со старшим из братьев, также артиллеристом (в отставке), Александром Майковым (1792–1886). «Мне приятно сказать, – признается он последнему в одном из уже в эти годы «отменно длинных», многоречивых писем, – что я знаком с Александром Аполлоновичем, но могу ли я осмелиться сказать: я приятель, я друг Александра Аполлоновича? – Подумайте: ни лета, ни достоинства внешние, ни достоинства внутренние, ничто не равняет меня с вами»²⁴. Как развивались эти отношения, за отсутствием сведений сказать трудно, но такое впечатление, что со времени переезда Николая Аполлоновича и Евгении Петровны из Москвы в Петербург в 1834 году жизнь Солоницына уже целиком принадлежит их семье.

В редких по единодушию воспоминаниях современников, различаясь только степенью признательности – от благодарности до благоговения, Н.А. и Е.П.Майковы предстают воплощением душевной открытости и щедрой заботы. Такими их запомнили А.В.Старчевский, Д.В.Григорович, И.И.Панаев, Е.А.Штакеншнейдер, С.Д.Яновский, таковы они и в письмах Гончарова, однажды попавшего в их дом и оставшегося «греться у чужой печки и самовара» на многие годы. Дом этот, хотя и именовался подчас литературным салоном, привлекал посетителей именно несалонной, незкетной, домашней непринужденностью, не петербургской – московской атмосферой родственной близости. В тридцатые и сороковые годы, как вспоминал Гончаров, дом Майковых «кипел жизнью, людьми, приносящими сюда неистощимое содержание из сферы мысли,

²³ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.7об.

²⁴ РНБ. Ф.452. Оп.1. №441. Л.4 (письмо от 16 авг. 1824).

науки, искусств», здесь «все, вместе с хозяевами составляли какую-то братскую семью или школу...»²⁵ «В этом кругу, – вторил ему А.В.Старчевский, – никогда не происходило ни пошлых разговоров, не сообщалось двусмысленных анекдотов, никто не осуждался, никто не осмеивался; а между тем всем было весело, привольно, занято, и постоянные посетители неохотно брались за шляпы в три часа ночи, чтобы отправиться восвояси»²⁶. «Тут читались иными подготовленные статьи, тут высказывалось об них мнение, тут излагались проекты и планы задуманных работ, – свидетельствует самый благоговейно-восторженный из мемуаристов, – и все это происходило до того серьезно, дружелюбно и без малейшего чувства зависти или недоброжелательства, что поистине можно сказать, что тут именно формировались и развивались те дорогие для России люди, которые написали для нее «Фрегат “Палладу”» и «Обломова», «Записки из мертвого дома» и «Дневник писателя» и многое другое, что составляет не хлам и балласт, но драгоценную суть русской литературы»²⁷. Со второй половины 1840-х двери дома Майковых широко открыты для лучших сил «Отечественных записок» и «Современника», где в это время сотрудничает Валериан; здесь охотно бывают И.И.Панаев, Н.А.Некрасов, И.С.Тургенев, А.Н.Плещеев, М.М. и Ф.М.Достоевские и многие другие²⁸. В пору сближения с Валерианом бывал у Майковых и М.В.Петрашевский²⁹. Позднее, уже из ссылки, Ф.М.Достоевский писал Аполлону Майкову о том, что «знакомство и ласку» его родителей «вспоминал и вспоминает с наслаждением»³⁰. По словам Г.П.Данилевского, частого гостя дома в 1850-х и начале 1860-х, майковский «уголок с поэзией живописи и живописью поэзии, с пением и красотой сердец обитающих в нем» всегда казался ему «каким-то волшебством, каким-то ясным и успокояющим исключением из общего нашей жизни»³¹. С умилением

²⁵ Н.А.Майков [Некролог]// Голос. 1873. №238. 29 авг.

²⁶ Старчевский А.В. Один из забытых журналистов. С.376.

²⁷ Из письма С.Д.Яновского к А.Г.Достоевской от 8/20 янв. 1882 (Ф.М.Достоевский: Статьи и материалы. Сб. второй / Под ред. А.С.Долинина. Л.; М., 1924. С.384).

²⁸ Подробнее см.: Деркач С.С. И.А.Гончаров и кружок Майковых // Учен. зап. ЛГУ. 1971. №355. Сер. филол. наук. Вып.76. С.31–33.

²⁹ Там же. С.32.

³⁰ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т.28. Кн.1. С.206 (письмо из Семипалатинска от 18 янв. 1856); ср. также его письмо к Е.П.Майковой от 14 мая 1848 с выражением «сыновнего уважения» и теплый отзыв о ней в письме М.М.Достоевскому из Петропавловской крепости от 22 дек. того же года (Там же. С.146, 163).

³¹ ИРЛИ. №8879 (письмо Е.П.Майковой от 30 апр. 1853); см. также письма Евгении Петровны Данилевскому 1862–1863 (РНБ. Ф.236. Оп.1. №95).

вспоминал о том, как в 1862 Аполлон Николаевич ввел его, «бесприютного и никому не известного тамбовца», в «благословенный Родительский дом», и Н.П.Барсуков³².

Постоянный приток молодежи – друзей всех четверых сыновей – действительно не давал остыть «кипению жизни» в доме Майковых. В конце 1830 – начале 1840-х на правах членов семьи здесь приняты сокурсники Аполлона – будущие литераторы Степан Дудышкин и Альберт Старчевский, будущий статистик Михаил Заблоцкий-Десятовский, и близость с ними сохранилась на десятилетия. Старший брат Заблоцкого, Андрей Парфенович, известный экономист уже в пору студенчества Михаила, также стал в доме Майковых совершенно своим. Привычные посетители дома и сокурсники Валериана: с конца тридцатых – начинающий поэт Я.А.Щеткин³³, позднее – П.М.Цейдлер, будущий педагог, и А.У.Порецкий, впоследствии публицист, близкий друг Достоевского. Редкая душевная привязанность соединила всю семью, включая и Гончарова, с И.И.Льховским, университетским товарищем третьего сына Майковых, Владимира. Во второй половине 1850-х в доме собираются члены университетского кружка младшего Майкова, Леонида, – Д.И.Писарев, А.М.Скабичевский, В.В.Макушев, будущий славист, Е.Е.Замысловский, будущий историк, Ф.Ф.Ордин, впоследствии адвокат, и др.³⁴

Из этого-то последнего кружка вышел едва ли не единственный среди мемуаристов «недоброжелатель» – А.М.Скабичевский, усмотревший в характере старших Майковых «эгоистическое себе на уме», «бюрократизм», «крайнюю умеренность и аккуратность во всех суждениях и поступках»³⁵. Однако он же свидетельствовал и об ином: «Семья Майковых производила на меня самое светлое и отрадное впечатление чего-то поистине идеального своим радушным гостеприимством, просвещенной гуманностью и проникновением всеми высшими и умственными, и нравственными интересами»³⁶.

Среди многочисленных посетителей и друзей дома был и еще один «недоброжелатель», по его словам, недоброжелатель «а von

³² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1901. Т.ХV. С. V.

³³ О нем см. ниже.

³⁴ О кружке см.: Скабичевский А.М. Письмо к Л.Н.Майкову / Публ. И.Г.Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.188–190.

³⁵ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.:Л., 1928. С.113.

³⁶ Там же. С.169. Саркастически отозвался о «старающемся походить на Ван Дика» Николае Аполлоновиче и «довольно стержвонной по виду» Евгении Петровне А.В.Дружинин: Дружинин А.В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б.Ф.Егоров, В.А.Жданов. М., 1986. С.277 (дневниковая запись 14 февр. 1854).

motif», домашний Катон – Владимир Андреевич Солоницын, безуспешно призывавший к порядку и спокойствию беспорядочное, беспокойное и чрезмерно гостелюбивое семейство. «Спокойствие возможно только тогда, – наставлял Солоницын Евгению Петровну, – когда вы заведете у себя известный порядок, о котором я вам уже несколько лет проповедую <...> Ведь это только у нас на Руси, и то в одном клане, или лучше сказать, не в одном клане, а в одном доме, если речь идет о петербургских домах, – именно в вашем доме, – водилось до сих пор жить нараспашку, растворяя двери с утра до вечера, “для званных и незванных”, как говорит Фамусов». Чувствуя в Гончарове единомышленника, Солоницын и ему писал о том же: «Ваша картина той суматохи, которую произвел приезд Майковых [из-за границы. – А.Г.], очень жива. Я как будто вижу все своими глазами, и то, что я вижу, так меня трогает, что я не могу не сказать со вздохом: “Бедные, бедные Майковы!” А впрочем – tu l’as voulu, Georges Dandin»³⁷. И развивал любимую тему: «Евгения Петровна целый век жаловалась на посетителей и посетительниц, которые, забираясь к ней с девяти часов утра, мешают ей и думать, и заниматься хозяйством, и отдохнуть. Как же, после этого, было не вскрикнуть – “Бедные Майковы!”»³⁸

Гончаров и Солоницын оставили о семье Майковых два ценнейших «документальных» свидетельства – очень сходные по духу домашние шаржи в рукописном «Подснежнике» за 1838 год и «Лунных ночах». Гончаровская «Лихая болеть» публиковалась неоднократно, солоницыновский же шарж «Так они наняли дачу!» читателю предлагается впервые³⁹. «Доброе, милое, образованное» семейство Зуровых в гончаровской повести страдает общим недугом – неумной «охотой к перемене мест», к загородным прогулкам, при этом Алексей Петрович Зуров одержим рыболовной страстью (Николай Аполлонович действительно был заядлым удильщиком, а рыболовная тема – одной из «вечных» тем в семье, начиная с бесчисленных обращений к ней в письмах, «домашних» стихах и прозе и до известной идиллии Ап. Майкова 1855 года «Рыбная ловля»), а Мария Александровна – страстью к поэтическим пейзажам и романти-

³⁷ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №152. Л.6об. (письмо от 6 марта 1844). Сохранилось 5 писем Солоницына, посланных Гончарову из Рима и Парижа осенью 1843, зимой и весной 1844 (письма Гончарова неизвестны). Два из них – от 6 марта и 25 апр. 1844 – опубликованы; см.: *Груздев А.И.* В.А.Солоницын о неизвестном романе И.А.Гончарова // Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та. Л., 1948. Т.67. С.108–114; *его же.* К вопросу о замысле романа И.А.Гончарова «Старики»: (письмо В.А.Солоницына к И.А.Гончарову) // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С.332–335.

³⁸ Там же. Л.9 (письмо от 25 апр. 1844).

³⁹ См. С.483–500 наст. изд.

ческим приключениям. «Болезью», комически утрированной в глазах домоседа Никона Устиновича Тяжеленко (предшественника Обломова), Гончаров представляет здесь обытовленный, сниженный, наивный вариант романтического Sehnsucht, томления по небывалому. Будущему автору «Обыкновенной истории» в семействе Майковых действительно открылась редкая возможность наблюдать и оценивать с точки зрения собственных жизненных и художественных критериев характернейшие проявления «бытового» романтизма.

Если гончаровская «Лихая болезнь» в значительной мере беллетризована, то Солоницын в своем шарже только умело и изящно фотографичен. Тем дороже его портретная зарисовка, полная дружелюбной, шадящей, «диккенсовской» иронии (и самоиронии), не без примеси, правда, характерного для автора морализма, у Гончарова напрочь отсутствующего, зарисовка, в которой нанимающий дачу Павел Иванович (Николай Аполлонович) озабочен ловлей ершей, «чувствительная» Надежда Федоровна (Евгения Петровна) – тем, растут ли в роще «фиалки», а трое их рассеянных сыновей постоянно погружены в состояние глубокой задумчивости. Лука Тихонович (сам Солоницын), имеющий репутацию человека делового и «аккуратного», озабочен устройством практических дел своих непрактичных друзей.

Портрет под-диккенсовски благодушного «приятеля семейства» мог бы быть на этом и завершен, не опубликуй Солоницын в им же редактируемом журнале через год после «дачного» другой шарж – повесть «Медовый месяц», в которой семейство Майковых более чем узнаваемо, а герой-повествователь подчеркнуто автобиографичен: его зовут Владимиром Андреевичем, и едет он из Петербурга в Оренбург. По дороге он навещает своего приятеля – моряка и путешественника Аполлона Вернова, который только что, пережив жестокую ностальгию, вернулся в Россию и после бурной романтической влюбленности обрел покой и счастье с женой в деревне. Но медовый месяц, точнее, его первый же день (и ночь – этот нюанс навязчиво акцентируется) нарушен вторжением чрезмерно «простых в обращении» родственников – семейства Задвинских, поспешивших поздравить молодых. В результате чуть живые после 5-недельного испытания «родственной нежностью» молодожены вынуждены бежать не только из деревни, но и из России. Крайне бесцеремонное и вообще склонное к крайностям семейство Задвинских в этой повести наделено фамильными майковскими чертами: Федор Петрович одержим маниакальной страстью к рыбалке (и охоте – отчуждающая деталь), а Анна Васильевна – к чистосердечным «дружеским разговорам», в которых предстает «самой злополучной женщиной на свете». «Душа Анны Васильевны, – замечает повествователь, –

была именно одна из тех чувствительных душ, которые сильно страдают и при неважных огорчениях»⁴⁰. Главная черта, определяющая «нравственное лицо» семейства Задвинских, – «необыкновенная нежность к родным и готовность служить им при всяком случае». «Трудно вообразить, – иронизирует Солоницын, – что это было, когда Федор Петрович и Анна Васильевна жили в Москве, в своем родном городе, в центре всех ближних и дальних своих родственников. <...> Ежедневно, с утра до вечера, в доме их толпилось множество лиц обоего пола и всякого возраста», годы эти были «одним огромным подвигом на поприще любви к ближнему»⁴¹. (Избыток «родственной нежности» отличает и героев солоницыновской «дачной» истории). И еще одной, интимнейшей, черты не пощадил Солоницын, резко шаржируя и ее. Евгения Петровна, судя по письмам, была религиозна, причем религиозна не без аффектации. Чтение матерью «урока из Библии» осталось святым воспоминанием для ее сына-поэта («Как вижу – предо мной та Муза, что слетала / Ко мне в те дни, как мать нам Библию читала...» – «Сны», 1856–1858⁴²). В «Медовом месяце» Анна Васильевна изображена сидящей вечерами «в огромном чепце с Библией в руках», с «монашеским выражением» на лице. «Ей в то время было не более тридцати пяти лет, – замечает автор, – но чепец и Библия придавали ей вид настоящей святоши...»⁴³

Свой «дагерротип» Солоницын искусно ретушировал, поместив на нем не сыновей, а двух дочерей Задвинских – гигантского роста романтическую Полину и крошечную, «как глобус», толстую прозаическую Надину, помогающих, каждая по-своему, любви и дружбы Верновых.

В повести этой, довольно неловко, надо признаться, стилизованной «под Сенковского» – с нагромождением гипербол, вызывающе резких метафор, нарочитых контрастов, с длиннейшими цепочками синонимических перечислений и «брамбеусовской» функцией автора-повествователя, – все натянуто и карикатурно. Подлинна, пожалуй, только авторская несимпатия к полудокументальным персонажам.

Черты «друга дома» в цитированном выше наброске мемуарного очерка Леонида Майкова, безусловно, смягчило время и тепло семейственных преданий. Как все максималисты, Владимир Андреевич был человеком нетерпимым, неуживчивым и в общении трудным. Сошлемся еще раз на Гончарова: к кому как не к нему обра-

⁴⁰ Б-ка для чтения. 1840. Т.40. С.40, 41.

⁴¹ Там же. С.20–21, 22.

⁴² См.: *Майков А.Н.* Избр. произведения / Вступ. ст. Ф.Я.Приимы. Сост., подгот. текста и примеч. Л.С.Гейро. Л., 1977. С.763, 780.

⁴³ Б-ка для чтения. 1840. Т.40. С.28.

щаться за объективными показаниями. Иван Степанович Вереницын в его «Лихой болести», «искренний друг Зуровых с самого детства», вне всякого сомнения, – Солоницын. «Он был обыкновенно задумчив и угрюм, – читаем у Гончарова, – редко принимал участие в общем разговоре, сидел всегда поодаль от прочих или молча ходил взад и вперед по комнате. Многие сердились за его нелюдимость, холодное обращение...»⁴⁴ Обладателем «угрюмого чела», «сурового взора» и «саркастической улыбки» представлен и безымянный, но легко узнаваемый персонаж – «питомец *дела и труда*» – в гончаровском эссе о Екатерининском институте «Хорошо или дурно жить на свете?» ([1841–1842])⁴⁵.

Как уже отмечалось, с именем Солоницына связана одна из ярких страниц в литературной биографии дома Майковых. Во второй половине 1830-х в домашнем «кружке» начинает выходить рукописный журнал «Подснежник», три выпуска которого – за 1835, 1836 и 1838 годы – сохранились в семейном архиве⁴⁶. Владимир Андреевич был не только его учредителем, редактором и деятельным сотрудником, но и усердным «писателем» (так именовали труд переписчика в Древней Руси): его безукоризненно четким почерком от первого до последнего листа переписаны тексты в «Подснежнике» за 1835 и 1838 гг., а затем и в заменившем журнал в 1839 альманахе «Лунные ночи»⁴⁷. Солоницын недаром слыл человеком «положительным»: позиция его как редактора сводилась главным образом к изобличению расхожего, тривиального для середины 1830-х романтизма. С «положительной» же точки зрения, издание регулярного журнала должно было воспитать у его сотрудников навык «делания» литературы и отношения к творчеству не как к «feu sacré», но как к ремеслу. Открывая редакционным вступлением «первую тетрадь», Солоницын писал: «Редакция “Подснежника” просит читателей принять благосклонно эту первую тетрадь ее журнала. По пла-

⁴⁴ См.: Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т.1. С.31.

⁴⁵ Там же. С.510.

⁴⁶ См.: ИРЛИ. №16493, 16494, 16495. Исключая «Прибавления к №№ 2 и 3 за 1836 год» (с указанием года на обложке), все три выпуска «Подснежника» имеют только архивную датировку, подтверждаемую немногими датами, проставленными под посвящениями, редакционными и – в редких случаях – стихотворными текстами. И проза и стихи в журнале большей частью не датированы и, по всему судя, писались непосредственно в год его «издания». В мемуарной и научной литературе первый выпуск журнала обычно датируется не 1835-м, а 1836-м, второй, соответственно, – не 1836-м, а 1837 годом; обоснование предлагаемой здесь датировки (совпадающей с архивной) см. в наших комментариях к т.1 Полного академического собрания сочинений и писем И.А.Гончарова (Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем Т.1. С.613–616).

⁴⁷ См.: ИРЛИ. №16496.

ну, который она предназначала себе, в “Подснежник” будут входить статьи не только литературные, но и относящиеся до наук и художеств; будут помещены рисунки, чертежи, карты. Редакция “Подснежника” надеется в этом случае на трудолюбие, познания и искусство своих “юных” сотрудников и, по мере их помощи, предоставляет себе впоследствии право сделать многие улучшения как в сущности, так и в расположении своего журнала»⁴⁸. Программа редактора, как видим, была сугубо «деловой». В «сущности и расположении» материалов «Подснежник» ориентировался прежде всего на «Библиотеку для чтения» (переняв от нее и дух эмпиризма, так возмущавший «энтузиастов» 1830-х годов), и на популярные тогда английские и французские ежеквартальники⁴⁹. «Юные» сотрудники получили возможность упражняться не только в изящной словесности, но и в переводе, поставляя в журнал беллетристику – предпочтение отдавалось французской «новой школе» – Ж.Жанену, В.Гюго, г-же Дюдеван (Жорж Санд) и др. – и критические и познавательные статьи из западной периодики. Как и подобает «толстому» журналу, в «Подснежнике» имелся отдел «Смесь», а в №4 за 1835 «по требованию читателей» появился и отдел мод.

Вместе с тем майковский журнал нес на себе отпечаток культурной традиции 1820-х годов, эпохи интимно-домашней, «альманашной» и «альбомной» литературы, создававшейся в замкнутых кружках дилетантов, «любителей изящного». С этой традицией связаны разнообразные литературные игры (загадки, синонимы и омонимы, «секретарии»), шуточные мистификации, нотные и художественные приложения. Традиции альманахов и домашних альбомов соответствовало и оформление «Подснежника»: многочисленные иллюстрации, заставки, виньетки, рамки, буквицы выполнены здесь Николаем Аполлоновичем и Аполлоном Майковыми, в «Лунных ночах» в качестве оформителя выступил и Солоницын (все рисунки подписаны). К «альманашной» тяготела, наконец, и сама литературная продукция «Подснежника». От выпуска к выпуску изящная словесность все заметнее теснила журнальные материалы, разрушая «предначертанный» издателем план. Все короче становился отдел «Смесь», все труднее набиралось необходимое количество перево-

⁴⁸ ИРЛИ. №16493. Л.2 (на цветной вклейке, пагинация здесь и далее архивная); дата под текстом: «31 декабря 1835 года».

⁴⁹ Ср., например, просьбу Пушкина о разрешении журнала в его письме А.Х.Бенкендорфу от 31 дек. 1835: «Я желал бы в следующем, 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как-то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных *Reviews*» (*Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т.XVI. С.69*). Подробнее см.: *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972. С.216–219.

дов. В 1838 году «Подснежник» закончил свое существование⁵⁰. «Лунные ночи» – уже типичный альманах, полностью утративший журнальные черты.

Редакторский «утилитаризм», таким образом, поддержки у его сотрудников не нашел. Юных (да и не очень юных) «мечтателей» по вполне понятным причинам (ситуация эта отразилась в «Обыкновенной истории») едва ли могли воодушевлять упражнения в переводе, составлении чертежей и карт⁵¹, разыскания в «Revue de Paris», «L'Echo Britanique», «Revue Germanique» и прочих revues «полезной» информации для «Смеси». Преднамерениям редактора сопротивлялись молодость и литературная одаренность его сотрудников. Для «Подснежника» писалось поразительно много (в каждом томе более 400 страниц), писалось легко, шутя, и мастерство юных авторов росло буквально на глазах. Разумеется, только «эмпириком» Владимир Андреевич не был, и не без его участия «Подснежник» оказался во власти игровой стихии – мистификаций, пародий и дружеских шаржей, необходимого домашнего пересмешичества. Солоницын вел партию «от редакции», сопровождая публикации просто информирующими, шутивными (и нешутивными) наставительными комментариями, ироническими репликами, причем с особой готовностью реагировал на звучавшее всегда серьезно, с вызовом всем остальным, главное женское соло «Подснежника» – Евгении Майковой. Что же до упражнений в переводе, то и они, безусловно, наряду со многим другим, «вырабатывали перо» у его воспитанни-

⁵⁰ Последний его том открывался обложкой Ап. Майкова с изображением надгробной урны на могиле издания и прощальным словом Солоницына: «Редакция "Подснежника", представляя читателям последнюю тетрадь своего журнала, долгом считает изъять им чувствительнейшую благодарность за внимание, которого они удостоивали ее труды, а еще более за то снисхождение, с каким они смотрели на недостатки этого журнала и непростительную медленность в выпуске тетрадью. Редакция "Подснежника" льстит себя надеждою, что представленная ныне тетрадь загладит хоть несколько все прежние грехи, и заключая ею свое издание, с удовольствием видит, что цель, с которою был начат этот журнал, вполне достигнута» (ИРЛИ. №16495. Л.2; вклейка). На титуле последнего «Подснежника» посвящение: «Евгении Петровне. 2 апреля 1838, накануне Светлого праздника» – и надпись: «Тетрадь XII». Можно предположить, что этот том журнала (внутреннего деления он уже не имеет), как и предшествующие два, условно объединял четыре рукописные «тетради»; только таким образом решается вопрос об их общем числе (в сумме 12) и о полной или неполной сохранности в семейном архиве Майковых.

⁵¹ В результате единственная карта и единственная схема («Генеалогическое древо Наполеона Бонапарта», приложение к статье «Родословная Наполеона») были помещены в журнале за 1835, причем исполнено «древо» было самим Солоницыным. Им же, скорее всего, были составлены для «Подснежника» за 1838 «Карта России 1742 года» и «Чертеж родословной дома Романовых» – «самая полная, подробная и – смеем надеяться – верная (по крайней мере, со времен Михаила) родословная таблица дома Романовых» (ИРЛИ. №16493. Л.84; №16495. Л.196, 209–212).

ков. Убежденным сторонником действенности подобной «методы» до конца дней оставался Гончаров, в пору сотрудничества в «Подснежнике» переводивший «массы» и «кипами исписанной бумаги» топивший печки.

При своем начале журнал объединял ближайших родственников и друзей. Стихи и прозу в «первую тетрадь» пишут Евгения Петровна, 14-летний Аполлон, 12-летний Валериан Майковы, со стихами выступил и 9-летний Владимир (большинство произведений подписано). Владимир Аполлонович Солоницын⁵², Солик, племянник редактора, только пробующий перо юный автор, «опубликовал» здесь басни и лирические стихотворения. Переводы с французского и французские же «варварские», «дьявольские», «фривольные» вальсы и мазурки с посвящениями китайскому императору, Мефистофелю и т.п. «прислал» в журнал прапорщик Измайловского полка Константин Майков⁵³, младший брат Николая Аполлоновича. Это основные сотрудники и всех последующих выпусков журнала. Немногочисленные стихотворения в «первой тетради» принадлежали другому брату Н.А.Майкова, также измайловцу, Леониду⁵⁴, его отцу Аполлону Александровичу, в прошлом стихотворцу, директору императорских театров⁵⁵, и невестке – Наталье Александровне Майковой⁵⁶. Ноты к романсам (на слова Евгении Петровны) присланы были в журнал из Москвы Клеопатрой Аполлоновной

⁵² О В.Ап.Солоницыне (1820–1865) см. ниже в публикуемой переписке, также: *Кийко Е.И.* Об авторе стихотворений, ошибочно приписывавшихся Салтыкову-Щедрину // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С.313–316.

⁵³ «Брат Костя», К.А.Майков (1811–1891), холостяк и «вечный ветреник» (по определению Гончарова) на протяжении десятилетий был одним из самых близких людей в семье Майковых.

⁵⁴ Как и Константин, Л.А.Майков (1812–1838) имел в 1835 чин прапорщика; оба брата участвовали в польских событиях 1830–1831, награждены медалью за взятие Варшавы (см.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1836 г. СПб., [1835]. Ч.1. С.256).

⁵⁵ Перу директора московских (1810–1814) и петербургских (1821–1825) театров Ап. Ал. Майкова (1761–1838) принадлежали несколько написанных в 1790-х на разные случаи од и комедия «Неудачный сговор, или Помолвил, да не женился» (СПб., 1794).

⁵⁶ Н.А.Майкова (1809–1871), дочь баснописца и издателя «Благонамеренного» А.Е.Измайлова, была замужем за Вал. Ап. Майковым. С 1839 она состояла старшей классной дамой, затем инспектрисой при пепиньерском классе в Екатерининском институте, где в начале 1840-х Майковы всем семейством вместе с ближайшими друзьями бывали регулярно, отдавая дань литературе не только на домашних «воскресеньях», но и на институтских «пятницах». Подробнее см.: *Балакин А.Ю., Гродецкая А.Г.* Неизвестный очерк И.А.Гончарова «Пепиньерка» // Русская литература. 1997. №3. С.114–136; *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем. Т.1. С.805–806. Второй раз Н.А.Майкова вышла замуж за Ал. Ап. Азаревича (1805–1870), по ряду данных, сына Ап. Ал. Майкова и «фигурантки» Азаревич(ево)й (его гражданской жены), т.е. за сводного брата своего первого мужа.

Майковой (1800–1884). Кроме того, в «Подснежнике» за 1835 помещает стихи И.Г.Карелин, безвестный поэт, уроженец Оренбурга, постоянный автор майковского журнала⁵⁷.

Из литераторов с именем в первом томе представлены П.П.Ершов, недавний студент, к этому времени уже успевший опубликовать «Конька-Горбунка» и стать сотрудником журнала Сенковского⁵⁸, и А.П.Крюков. Солоницын, близко знавший Крюкова по Департаменту внешней торговли, где тот служил с 1827, унаследовал бумаги умершего в 1833 поэта и последовательно, из номера в номер, помещал его стихи в «Подснежнике», «опубликовав» в общей сложности 18 стихотворений. Первое из них, «Отъезд» (1832), сопровождало следующее назидательное примечание: «Александр Павлович Крюков – молодой человек с весьма сильным талантом, рано похищенный смертью у русской литературы, в которой он мог бы занимать очень видное место. Его сочинения, в стихах и в прозе, рассеяны по разным журналам и альманахам; многие остались не напечатанными. Редактор “Подснежника”, быв с ним очень дружен, наследовал все его бумаги. Жизнь Крюкова может служить резким примером того, до чего страсти могут довести человека пылкого и чувствительного. Мы постараемся сообщить когда-нибудь нашим читателям его биографию и тогда же поместим несколько выписок из его любопытного дневника»⁵⁹. По предположению В.Э.Вацура, Солоницын был автором некролога Крюкова в «Северной пчеле», в котором за покойным признавался «талант необыкновенный»⁶⁰, и

⁵⁷ Иван Григорьевич Карелин (ок.1800–1848) в 1827–1830 был управляющим на Преображенском медеплавильном заводе Гусятниковых (см. выше), позднее – их уполномоченным в деле о семейном наследстве (ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.11479; РГИА. Ф.1343. Оп.23. №1488). Стихотворения Карелина см. в сб. «Венера» (М., 1831. Ч.2), «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» (1839. Ч.2). Сведения о нем сообщены Н.В.Гавриловой. Живя с середины 1830-х годов в Петербурге, он часто бывал у Майковых; в трех томах «Подснежника» ему принадлежат 11 стихотворений, в «Лунных ночах» он уже не участвовал. В ряде исследований поэт И.Г.Карелин был ошибочно отождествлен с известным путешественником и естествоиспытателем Г.С.Карелиным (см.: *Держач С.С. И.А.Гончаров и кружок Майковых*. С.24 и др.).

⁵⁸ См. его стихотворение «Сцена в лагере» в №2 (ИРЛИ. №16493. Л.52об.–55). По всей видимости, еще до своего отъезда в Тобольск летом 1836 Ершов поместит в «Подснежнике» за этот год два стихотворения – «Русский штык» и «Двадцать пятое декабря», которыми и завершится его участие в журнале.

⁵⁹ ИРЛИ. №16493. Л.45; обещанная публикация биографии поэта и дневниковых отрывков не состоялась.

⁶⁰ См.: Вацура В.Э. Крюков А.П. // Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т.3. С.186. «Любители отечественной словесности, – говорилось о Крюкове в некрологе, – помнят его статью, напечатанную под названием “Киргизский набег” в “Северных цветах” на 1830 год, помнят и многие прелестные его стихотворения, печатанные в некоторых повременных изданиях; сверх того, как чиновник он соединял в себе все нужные для сего качества и мог бы при своих способно-

он же опубликовал посмертно несколько его стихотворений в «Библиотеке для чтения» (1841. Т.49; 1842. Т.54). Сам факт введения в узкий родственно-дружеский круг произведений достаточно известного автора (стихи и проза Крюкова с середины 1820-х годов появлялись в «Сыне отечества», «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Северных цветах», «Литературной газете» и других изданиях) много говорит в пользу воспитательной «методы» Солоницына-редактора. Поэзия «небесталанного подражателя Пушкина», как отозвался о Крюкове В.К.Кюхельбекер⁶¹, призвана была служить ориентиром для «юных» сотрудников в их довольно беспомощных на первых порах поэтических опытах, не исключая и Ап. Майкова, уже публиковавшегося вне домашнего круга⁶², и Гончарова, поместившего в 1835 в «Подснежнике» свои первые и единственные романтические стихотворения, знаменитые тем, что позднее были включены в «Обыкновенную историю». Ориентир этот, впрочем, был весьма специфического свойства: Солоницыну несомненно импонировало ясно выраженное в поэзии Крюкова ироническое и сатирическое начало (нетрудно догадаться, что сближало двух департаментских чиновников-литераторов). На страницах «Подснежника» находится место и для крюковской «Кокетки», иронически смещающей акцент в привычной для романтиков теме (стихотворение – о нежной любви героя к светской кокетке), и для шутливого «Довольного» (здесь «перевернут» основной мотив «унылой» элегии). При этом традиционные эмоции поэту также не были чужды.

И еще один сотрудник, никогда, кстати говоря, не упоминавшийся в числе авторов журнала, был привлечен Солоницыным к участию в издании. Это Евгений Федорович Корш, в 1834–1835 годах один из ближайших помощников О.И.Сенковского по «Библиотеке», где занимался как разного рода компиляциями, так и переводами, преимущественно с английского. Имя Корша будет раскрыто только в «Подснежнике» за 1838 год, где появятся за полной подписью два его стихотворения⁶³, но, вероятно, именно он скрывался под маской Ефима Феоктистовича Куролопатина, сотрудника всех четырех выпусков «Подснежника» за 1835 (имя это вынесено на об-

стях принести ощутительную пользу службе, – но ранняя смерть положила конец всему» (Сев. пчела. 1833. №41. 22 февр.; вместо подписи: «Сообщено от одного из сослуживцев покойного»).

⁶¹ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подгот. Н.В.Королева, В.Д.Рак. Л., 1979. С.290.

⁶² Он дебютировал в печати стихотворением «Орел» (Б-ка для чтения. 1835. Т.9; ценз. разр. – 27 февр. 1835); см.: Баевский В.С. Майков А.Н. // Русские писатели: 1800–1917. Т.3. С.454.

⁶³ Перевод «Решительность и независимость, из Вордсворта» и «К чуме, в Одессу» – ИРЛИ. №16495. Л.65–67об., 83–83об.

ложку)⁶⁴. Солоницын был знаком с семьей Корша, дружен с его сестрой Марией Федоровной, с самим же Евгением Федоровичем после его переезда в Москву в 1836 состоял в деятельной переписке⁶⁵. Сохранилось его брошенное мимоходом замечание о Коршах, чрезвычайно для Солоницына характерное: «Корши жалки; но что ж с ними делать? как им помочь? Нет ни малейшей возможности. Ленивые и безрассудные бедняки всегда жалки; а делать с ними нечего»⁶⁶.

Среди сотрудников «первой тетради» необходимо упомянуть и двух переводчиц для «Смеси» – Наталию Шафонскую и Юнию Азарьеву, чье участие в издании 1835-м годом и ограничилось⁶⁷.

Самому редактору в первом томе журнала, возможно, принадлежало около десятка анонимных, но в отличие от всех остальных тщательно датированных (1826–1834 гг.) стихотворений, формально на редкость «правильных».

Неясной остается судьба «Подснежника» за 1836 год. В этом томе нет и намека на художественное оформление, тексты переписаны разной рукой, неустойчивым почерком, с большим количеством пропусков, исправлений, подчисток и орфографических ошибок. Вероятно, журнал создавался «юными» сотрудниками без участия главного редактора; рукой Солоницына переписана только помещенная в «Прибавлениях» в конце тома анонимная повесть «Нимфодора Ивановна», атрибутированная Гончарову⁶⁸. Какие-либо

⁶⁴ Е.Ф. Куролопатин «прислал» в журнал ответ на предложенный редакцией вопрос: «О чем Адам и Ева разговаривали при первом свидании?» – написанный в духе Сенковского «Рассказ Евы. Перевод с одного из вавилонских наречий» (ИРЛИ. №16493. Л.81–83об.). Текст этот был, на наш взгляд, не очень убедительно, атрибутирован Солоницыну попутно с атрибуцией Гончарову, также вызывающей сомнения, другого ответа на тот же вопрос (см.: *Сомов В.П.* «Редакция “Подснежника” имеет честь предложить...»: (о неизвестной пародии И.А.Гончарова) // *Русская литература.* 1970. №3. С.92–99).

⁶⁵ См. его письма 1841–1843: РГБ. Ф.465. Карт.2. Ед.93.

⁶⁶ См. одну из его записок Е.П.Майковой (без даты; вероятно, второй половины 1830-х); ИРЛИ. Р. I. Оп.17. №138 (1). Л.38–38об.

⁶⁷ С Наталией Филипповной и Андреем Афанасьевичем (1777–1843) Шафонскими в 1830-е годы Майковы были дружны домами, как и с семьей Азарьевых (те и другие неоднократно упоминаются в письмах Евгении Петровны); о последних сведениях разыскать не удалось.

⁶⁸ Вопрос о принадлежности повести Гончарову остается дискуссионным. См.: *Демиховская О.А.* Неизвестная повесть И.А.Гончарова «Нимфодора Ивановна» // *Русская литература.* 1960. №1. С.139–144; *она же.* Раннее творчество И.А.Гончарова // *Материалы юбилейной Гончаровской конф.* Ульяновск, 1963. С.73–78; *Гончаров И.А.* Нимфодора Ивановна. Повесть / Публ. О.А.Демиховской // *Неделя.* 1968. №1–4. Полемику см.: *Челени О.А.* Об одной спорной атрибуции // *Русская литература.* 1975. №4. С.159–162. Ср. также: *Гончаров И.А.* Нимфодора Ивановна: Повесть; Избранные письма / Сост., подгот. текста и комментарий О.А.Марфиной-Демиховской. Псков, 1992; *Гончаров И.А.* Нимфодора Ивановна. Повесть / Публ. О.А.Марфиной-Демиховской // *Москва.* 1993. №5. С.42–67.

комментарии «от редакции» по поводу ее автора в данном случае отсутствуют, как и вообще отсутствуют здесь редакторские реплики. В том же «Подснежнике» за 1836 «опубликован» и анонимный рассказ «Красный человек», попытка атрибуции которого Гончарову также имела место⁶⁹.

В 1836 году в журнале заметно снижается процент «родственной» поэзии, и именно в этом году на его страницах впервые появляется имя В.Г.Бенедиктова. Это еще один, и весьма преуспевающий, чиновник Департамента внешней торговли (Департамент не мог не быть литературным при вице-директоре П.А.Вяземским, при министре финансов, литераторе Е.Ф.Канкрине⁷⁰, высоко ценившем умение писать «официальную прозу»⁷¹). В «Подснежнике» за 1836 год Бенедиктову принадлежат стихотворения «Бивак», «Улетевшим мечтам» и «Обновление». В 1838 он поместит в «Подснежнике» четыре стихотворения и пять – в 1839 в «Лунных ночах», подчинив своему мощному стихотворному ритму, яркой образности поэтическую лиру «юных» авторов (за исключением, пожалуй, вполне к этому времени самостоятельного Аполлона Майкова). В 1836 единственный раз в журнале участвует поэт Иван Бороздна со стихотворением «Она», посланиями «А.И.Б.» и «А.С.Ш.» и двумя сочинениями для нотных приложений («Романс» и «Не горюй, душа-девица...») на музыку Любови Ивановны Бороздны, жены его брата Василия⁷², одной из немногих задушевных подруг Евгении Петровны. Дважды в этом году – Ап. Майковым и младшим Солоницыным – стихи посвящаются Владимиру Ивановичу Панаеву, однако,

⁶⁹ См.: *Солов В.П.* Анонимная повесть «Красный человек» в рукописном журнале Майковых // *И.А.Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя.* Ульяновск, 1976. С.99–116.

⁷⁰ Е.Ф.Канкрин (1774–1845) – министр финансов в 1823–1844. Библиографические сведения о его беллетристике, путевых очерках и трактате по эстетике, написанных по-немецки и по причине «сильного писательского самолюбия» автора публиковавшихся анонимно, см.: *Лебедев В.А.* Граф Егор Францевич Канкрин: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896. С.12–13.

⁷¹ См. письмо А.И.Тургенева П.А.Вяземскому от 1 нояб. 1844 (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т.IV. С.302).

⁷² Любовь Ивановна (урожд. Угрюмова) была замужем за Василием Петровичем Бороздной (1793–1850-е); Бороздны – старинный дворянский род Черниговской губернии (см.: *Записки Черниговского губернского статистического комитета.* Чернигов, 1868. Кн.2. С.95). В прошлом чиновник посольской канцелярии, автор «Краткого описания путешествия Российско-императорского посольства в Персию в 1817 году» (СПб., 1821), В.П.Бороздна в конце 1830 – начале 1840-х состоял директором 1-го отделения Экспедиции гос. кредитных билетов (Ассигнационный банк) Министерства финансов. С Борозднами Николай Аполлонович и Евгения Петровна поддерживали дружбу и в 1840–1850-х годах (см. упоминания о них в письмах Гончарова Майковым с фрегата «Паллада»), бывая в их доме на углу Фурштатской (д. 44) и Таврической улиц, против любимого Евгенией Петровной Таврического сада.